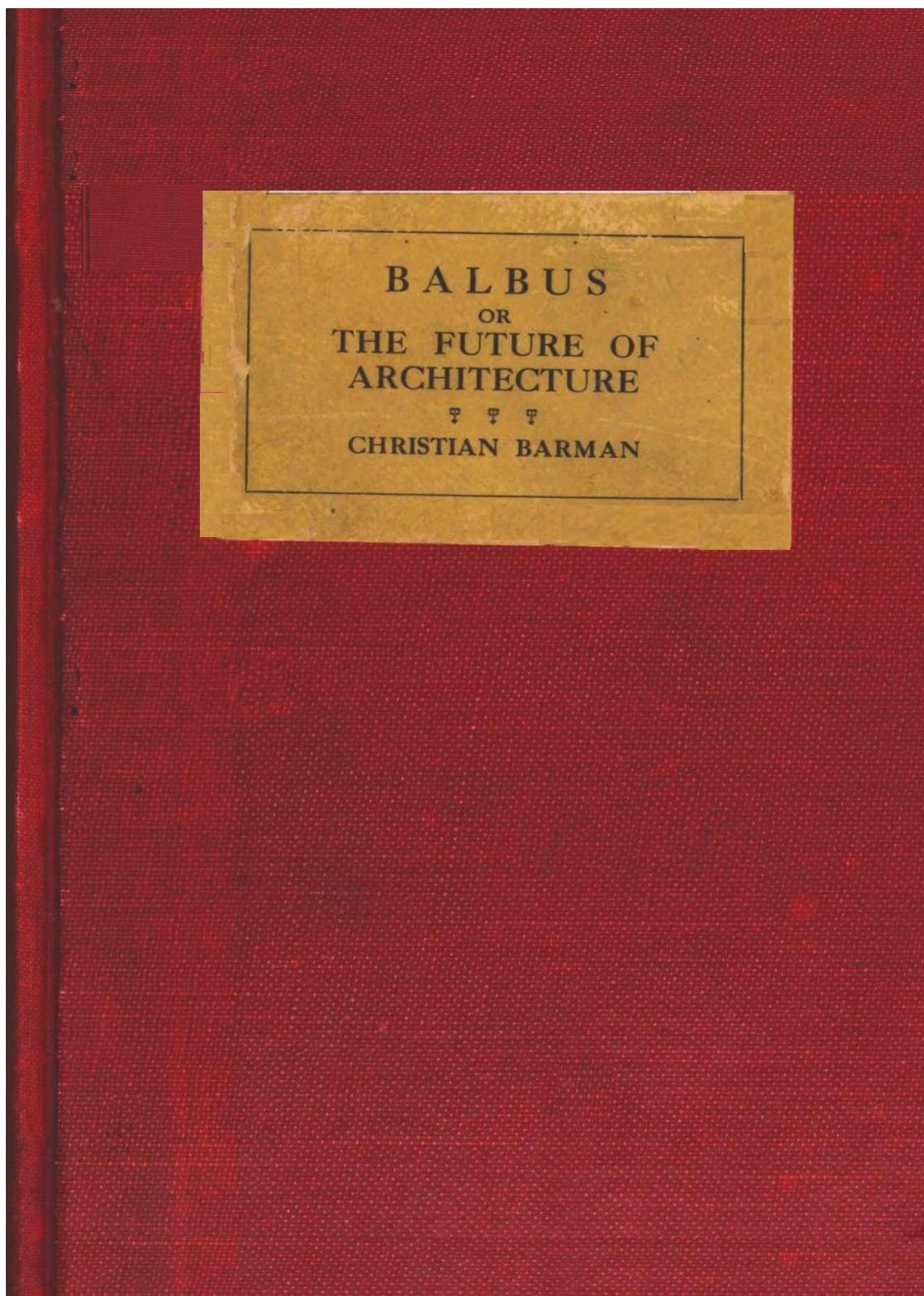

Бальбус, или будущее архитектуры

Кристиан Огастес Барман

Электронная книга проекта "Гутенберг" Бальбуса, или будущее архитектуры

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Бальбус, или будущее архитектуры

Автор: Кристиан Огастес Барман

Дата выхода: 25 января 2025 [Электронная книга №75202]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Великобритания: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd, 1926

В титрах: Подготовлено Тимом Линделлом, Дональдом Каммингсом и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Эта книга подготовлена на основе изображений, предоставленных цифровой библиотекой Hathitrust.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "БАЛЬБУС, ИЛИ БУДУЩЕЕ АРХИТЕКТУРЫ" ***

БАЛЬБ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

О содержании серии *[читайте в конце Книги](#)*

БАЛЬБУС, ИЛИ БУДУЩЕЕ АРХИТЕКТУРЫ

КРИСТИАН БАРМЕН

Лондон:

КИГАН ПОЛ, TRENCH, TRUBNER & CO., Ltd.

Нью-Йорк: E. P. Dutton & Co.

Тот же Автор также написал:

- ОПАСНОСТЬ ДЛЯ СОБОРА СВЯТОГО ПАВЛА
- МОСТ: ГЛАВА В ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА
- СЭР ДЖОН ВАНБРУ

- "ПРАВИЛА" ДЖЕЙМСА ГИББСА

Напечатано в Великобритании
компанией MACKAYS LTD., ЧАТЕМ

БАЛЬБУС

Часто утверждается, что существует сходство между архитектурой и одеждой в том, что и то, и другое применяется в качестве покрытия: одно - для индивидуального человеческого тела, другое - для политического тела. Но есть одна вещь, которую те, кто указывает на это сходство, не всегда стараются иметь в виду, а именно, что именно в своем отношении к этому человеческому содержанию искусство архитектуры и одежды различаются наиболее широко. Тела взрослых мужчин и женщин отличаются друг от друга лишь несколькими небольшими вариациями цвета и пропорций. Эти отклонения от универсальной нормы имеют столь незначительное значение, что экспертам моды позволено не обращать внимания на их эффект и обычно довольствоваться утверждением, что "брюки носят зауженными" и что "платья пастельных оттенков из муслина и шифона". Поскольку в таких наблюдениях, подобных этим, тема роста одежды на мгновение исчерпана, им ничего не остается, как ждать следующего измерения, следующего материала, который, возможно, укажут их руководящие духи. Однако что бы они сказали, если бы их попросили обсудить туалет борзой, индюшки или гиппопотама и сравнить его с одеждой, подобающей человеческим существам? Разве историк одежды не пришел бы в глубокое замешательство от такого расширения поля своего зрения, от внезапного появления такого разнообразия форм? И все же масштаб и разнообразие его предмета все равно были бы ничем по сравнению с масштабом истории архитектуры и разнообразием архитектурных форм, которые задача этой истории - зарегистрировать, анатомизировать и проследить по отдельности до их происхождения. Ибо, в то время как происхождение портновской формы следует искать в фиксированных и неизменных очертаниях человеческого тела, происхождение архитектурной формы следует искать в бесконечном разнообразии социального организма и в стремительных изменениях, в которые этот организм постоянно подвергается. Таким образом, из всех архитектурных движений нет ни одного, столь непреодолимого в своем прогрессе или столь масштабного по своему эффекту, как то, которое обязано своим существованием общественному движению. В конструкции первого круглого окна собора, с одной стороны, и экспериментах сэра Уильяма Чемберса в восточном дизайне, с другой, мы имеем дело с двумя типичными событиями в истории архитектурных форм, влияние которых на ход этой истории было гораздо менее глубоким, чем, скажем, публикация "Эмиля" Руссо или отмена законов, запрещающих экспорт машин. Разве сам факт строительства Бальбуса не стал показателем социального положения содружества? Таким образом, любое изменение в состоянии общества может ускорить строительство или замедлить его, а также может изменить весь предмет или содержание конкретной области строительства; в то время как события чисто архитектурного происхождения и значения чаще всего оставляют лишь поверхностный след.

Но независимо от того, будет ли движение глубоким или неглубоким, локальным или расширяющимся, историк должен рассматривать его с одинаковой степенью осторожности.

Хотя мы ожидаем, что он ни в коей мере не будет уделять своему предмету больше должного, с другой стороны, мы настаиваем на том, чтобы второстепенное и мимолетное было зафиксировано бок о бок с главным и непреходящим. Однако обычно мы не просим об этом пророка, и даже если бы мы сделали это, он не смог бы удовлетворить нас, не подвергаясь невыносимому риску. Ибо прогресс искусства подобен двойственному движению моря, которое приводится в действие ветром и приливом в таинственном сочетании; и между этими двумя силами есть то большое различие, что одна из них после некоторого небольшого изучения даст о себе знать заранее, но никто, кроме плохо ориентированного или лживого пророка, не попытается предсказать другую. Приливы и течения достаточно важны, когда нам нужно составить картину движения в прошлом и настоящем, но в нашем ожидании будущего они являются нашими единственными ориентирами. В архитектуре, как и в одежде, позиция пророка одинакова: он не может с уверенностью предсказать какие-либо новые формы, кроме тех, которые будут сформированы человеческим существом, вложенным в эти формы. Самый проникательный наблюдатель за модой затруднился бы назвать точную длину мужского жилета, который появится через пять лет. Однако скажите ему, что примерно в это время появится большой спрос на рефрижераторные костюмы от New Forest ponies, и он со значительной точностью опишет дизайн этих костюмов. И в архитектуре мы не в меньшей степени должны довольствоваться тем, что улавливаем уже действующие социальные движения, и можем сформировать нашу оценку будущего роста, только проецируя эти движения на архитектурную плоскость и там разрабатывая их архитектурный эквивалент.

К сожалению, как среди пророков, так и среди историков есть такие, которые остаются полностью или частично слепыми к этой важной истине и утверждают, что случайный порыв ветра - это все, что когда-либо тревожит архитектурные воды, за которыми они наблюдают. Согласно им, не было движения, имеющего большее значение, чем рябь на стоячей воде, и они не побуждают нас ожидать какого-либо подобного движения в будущем. Эти несовершенные наблюдатели совершенно одинаково относятся к архитектуре и одежде, и излюбленные темы портновских бесед неизменно появляются вновь, когда предметом их разговора становится архитектура. Эти темы имеют размер и материал, и, возможно, стоит на мгновение задуматься о том, каким образом они иногда могут вторгаться в то, что могло бы показаться серьезным обсуждением архитектурной формы.

Каждый когда-нибудь слышал, как говорят, что небоскреб - это здание завтрашнего дня, и вскоре он будет господствовать над улицами каждого большого города. Вероятность исполнения такого пророчества примерно такая же, как и у пророчества о длине одежды. Размер здания - вопрос отнюдь не лишенный интереса, но нам очень мало что может помочь в составлении прогноза такого размера, и очень мало смысла пытаться это сделать. И все же целые здания были возведены на основе такого прогноза. Нет ничего удивительного в том, что впоследствии такие здания привели своих владельцев к тяжелым материальным потерям, потерям гораздо более тяжелым, чем когда-либо понес бы покровитель скаковых лошадей, работающий по аналогичному методу. Также нет даже подобия причины, по которой размер должен называться стилем, а об изменении размера следует говорить так, как если бы это было равносильно созданию новой формальной единицы. Высокое здание могло бы подниматься ввысь до тех пор, пока не достигло бы звезд, и все же мы не смогли бы описать его как новое архитектурное выражение, инновацию в области художественной формы. Если уж на то пошло, архитектурная конфигурация Эджвер-роуд может быть сохранена вплоть до Ньюкасла в том виде, в каком она впадает в Оксфорд-стрит, но при этом мы не должны иметь права выставять

ее в качестве последнего достижения в уличном дизайне. Башни Илиума без верха были чем-то новым только в размере башен, а не в дизайне башен в прямом смысле этого слова, точно так же, как бесконечная улица Эджвер была бы новинкой только в размере улиц, а не в дизайне улиц. Та же путаница кроется в утверждении, что определенные промышленные сооружения, возведенные для хранения большого количества воды, угля, зерна и подобных товаров, демонстрируют современный дух более ярко, чем любой другой вид зданий. Можно резонно спросить, в чем разница между ведром для угля и угольным складом, между ведром воды и баком с водой, между бутылкой пива и бочонком с пивом? Несомненно, это новый опыт - наткнуться на ведро для угля высотой пятьдесят футов, дно которого имеет форму облака, или на бункер для ячменя, достаточно большой, чтобы вместить две тысячи тонн. Но разве разница не такая же, как разница между короткой улицей и длинной улицей, между четырехэтажным зданием и сорокаэтажным зданием? Мы еще раз наблюдаем разницу просто в размерах; это шиллинг против фунта, автомобиль мощностью в семь лошадиных сил против автомобиля мощностью в семьдесят лошадиных сил. Мы решили сделать эти вещи больше, чем нам до сих пор казалось удобным иметь, и кто скажет, какого размера мы сможем сделать их завтра?

Помимо этой обманчивой веры в важность измерения, мы часто можем наблюдать столь же бесплодную концентрацию на материале. Нам говорят, что архитектурные формы будущего будут определяться новым материалом, из которого, по всей вероятности, может быть построена эта архитектура. С таким же основанием можно было бы сказать, что оркестровое исполнение определяется такими звуками, которые бессистемный набор инструментов, вероятно, издает сам по себе. Ничто не могло быть дальше от истины. При нынешнем состоянии цивилизации ноты, исполняемые музыкантами на своих инструментах, определяются партитурой композитора; двигатель автомобиля определяется работой, которая от него потребуется; знания и мастерство наших врачей определяются постановлениями Генерального медицинского совета; а материалы, используемые при строительстве, определяются типом здания, которое архитектору предлагается возвести. В другую эпоху все могло быть несколько иначе, но здесь и сейчас они обычно соответствуют этому правилу. В другую эпоху материалы, из которых вы строили, например, лошадь, на которой вы ездили, сыр, который вы ели, врач, который ухаживал за вами во время болезни, без сомнения, были обусловлены вашим конкретным положением на поверхности земли, но сегодня они не настолько обусловлены. В наши дни индустриальный строй общества достиг почти полной свободы производить такие материалы, какие он сочтет подходящими, и доставлять эти материалы в любое место, которое может быть выбрано для их применения. Современное здание может черпать свою субстанцию из глинистых месторождений Франции, Испании и Бельгии, лесов Финляндии и Канады, пропитанных смолой скал Швейцарии, гранитных карьеров Ирландии и Швеции, и все же ни единой чертой не выдавать, что оно не английского происхождения и не городское по качеству. Никогда в истории форма не зависела от материала, хотя он мог оказывать на нее влияние в большей или меньшей степени, и в наше время автономия формы установлена более прочно, чем в любую другую эпоху, о которой мы знаем. Вряд ли нужно добавлять, что пытаться предсказать будущее принятие материала было бы еще более тщетным и опасным, чем пытаться предсказать будущее принятие измерения. Если мы не можем определить размер, который будет придан зданиям завтрашнего дня, мы, во всяком случае, знаем, каков диапазон возможных размеров, из которых придется делать выбор. Диапазон возможных материалов, однако, может быть установлен с не большей точностью или окончательностью, чем диапазон возможной движущей силы наших будущих взрывчатых веществ или диапазон движений

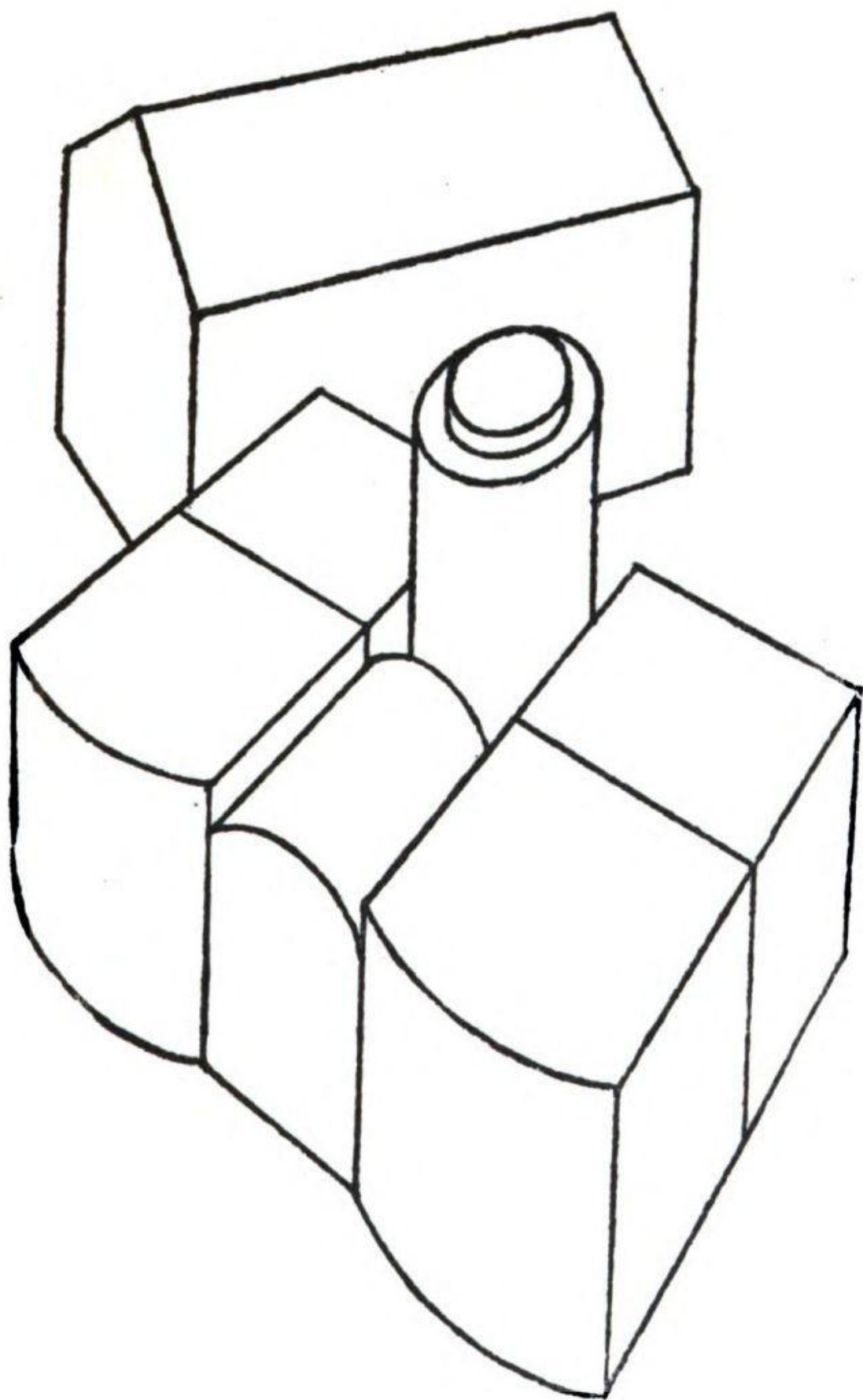
эфира, которые могут быть восприняты или зарегистрированы человеком. Прогресс современных изобретений пока не показывает признаков замедления, и только когда его конец станет близок, появится вероятность, что мы сможем предсказать его следующую и конечную стадию и установить пределы его достижения.

Но если мы не в состоянии выяснить, каковы будут размеры зданий завтрашнего дня и из каких материалов эти здания будут построены, мы можем утешать себя мыслью, что вся область собственно архитектуры остается открытой для нас, чтобы исследовать ее по своему желанию. Нам остается, например, лишь с некоторой осторожностью отнестись к тем социальным движениям, которые, вероятно, вызовут аналогичное движение в архитектуре, и ход этого архитектурного движения постепенно станет нам известен. Здесь будут выбраны два таких социальных движения и прослежены их непосредственные архитектурные последствия. Первый из них - это эмансипация современной женщины, которая породила новый тип зданий, в которых явно отсутствуют как сильнейший архитектурный импульс прошлого, так и высочайшее архитектурное совершенство прошлого. Другой - это решительная борьба, которая сегодня ведется за то, чтобы предотвратить полный паралич уличного движения в крупных городах Европы и, в частности, в Соединенных Штатах Америки. Результатом этой борьбы является замена старого импульса и старого совершенства новым импульсом и новым совершенством, оба низшего порядка, но, тем не менее, представляющие значительный интерес.

Может возникнуть вопрос, может ли архитектурное творчество быть результатом более чем одного вида человеческих импульсов. Можно спросить, не обязаны ли все здания, возведенные человеком, своим происхождением одному и тому же неизменному желанию, хотя плоды этого желания могут быть многочисленными и разнообразными? Ответ заключается в том, что действительно действуют две различные силы, два отдельных импульса, которые, хотя чаще всего действуют в комбинации, все же не схожи по природе и не имеют одинакового значения. Нам достаточно взглянуть от Вестминстерского аббатства до Кенотафа в Уайтхолле, чтобы понять, что эти два здания отличаются глубокой разницей в значении и замысле. Давайте возьмем максимально возможное различие и сведем его к простейшему аспекту. Проектирование зданий - это (можно сказать) дело архитектора. Но он может установить вокруг своих зданий ряд объектов меньшего размера, таких как мосты, парапеты, колонны, фонтаны и тому подобное. Как соотносятся эти два вида сооружений? Отличаются ли они только размерами, и стал бы Кенотаф, если бы его увеличили до размеров Вестминстерского аббатства, произведением архитектуры, соизмеримым с Аббатством? Конечно, этого не произошло бы по той простой причине, что у Аббатства есть *внутри*. Так вот, не случайно *словавнешний* и *внутренний* стали во всех языках признанными метафорическими эквивалентами *тела* и *души*. Это употребление иногда осуждалось исследователями логики языка, но оно покоится на совершенно прочном фундаменте, поскольку апеллирует к опыту универсальной значимости, опыту, который, позвольте заметить, проистекает из архитектуры, и только из архитектуры. Здание - это единственное, на что вы можете одновременно смотреть внутрь и наружу, как внешне, так и интроспективно, и, научившись в искусстве строительства таким образом рассматривать человеческий разум как бы с двух сторон, мы должны всегда быть осторожны, чтобы различать этот двойной аспект и в зданиях. Итак, каким бы способом мы ни описывали эти два взгляда и разницу между ними, несомненно одно: величайшими и наиболее устойчивыми качествами в архитектуре являются те, которые заключены в дизайне и расположении внутренних пространств здания, в тех ограждающих формах, которые, в конечном счете, являются единственным оправданием этого здания.

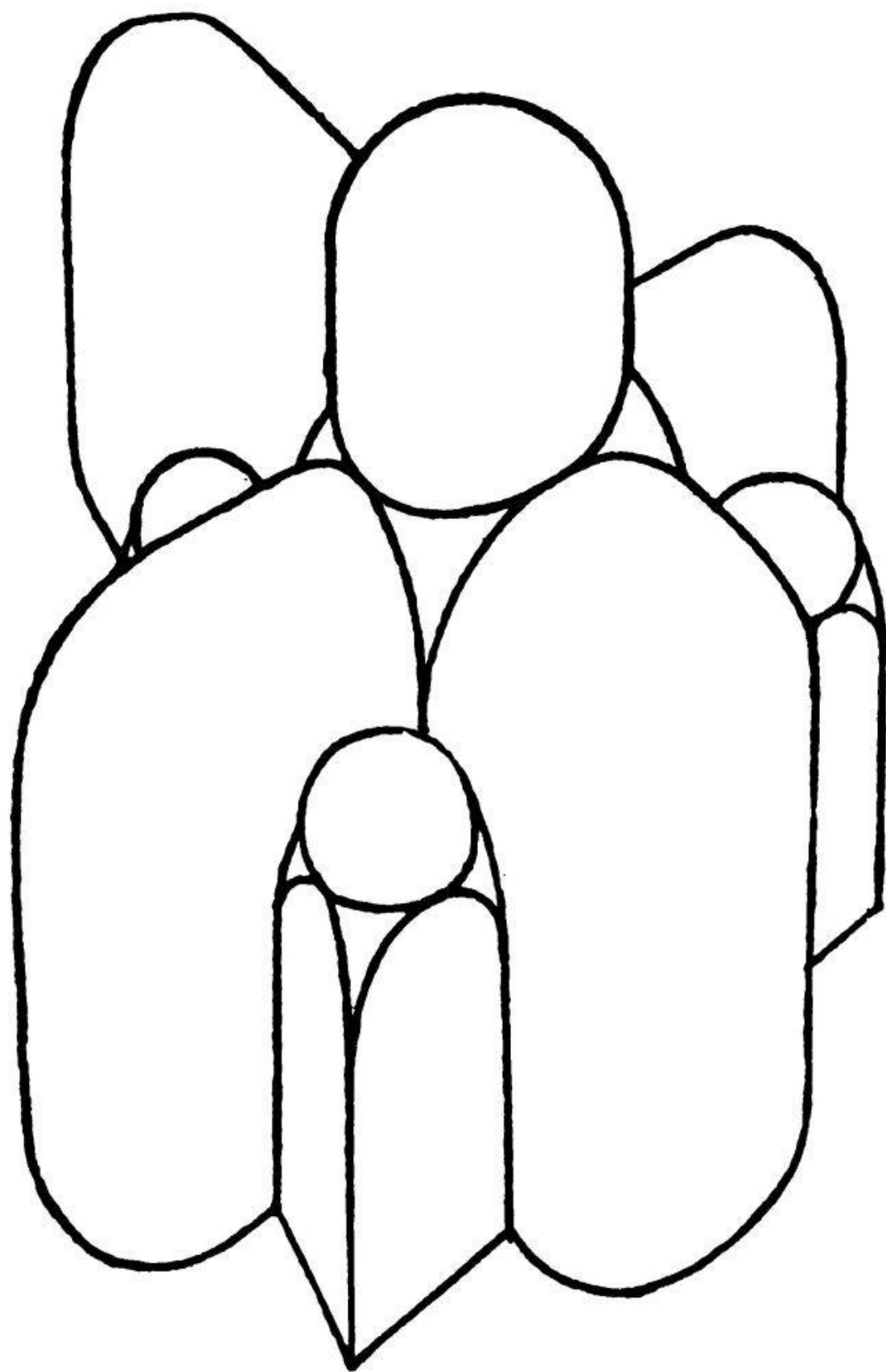
Идея знакома архитектору, хотя, возможно, и не в тех самых словах, которые я использовал, но он не проявил желания посвящать непрофессионала в секрет. Кто из нас не был озадачен таинственным значением, придаваемым слову *план*, и еще более таинственным аспектом самой вещи? Что есть в плане (ибо что-то там должно быть), что придает ему такое превосходство среди всех возможных представлений о здании? Здание, достойное названия великой архитектуры, - так мог бы звучать простой ответ, - неизменно состоит из последовательности пространств или ячеек. В этом он напоминает человеческое тело, которое состоит именно из такого ряда — черепной, грудной и брюшной полостей, как мы их называем, — с, кроме того, механическими креплениями конечностей. И в зданиях, как и в человеческом теле, первые признаки красоты заключаются в форме, расположении и соединении этой последовательности клеток. Это важные факты о здании, которые более полно раскрываются на плане, чем на любом другом чертеже. Теперь мы знаем, почему архитектор всегда спешит зафиксировать свои идеи в виде плана — при условии, конечно, что его объектом действительно является расположение обитаемых ячеек. Сэр Эдвин Лютенс начал не с наброска *плана* своего кенотафа, но он не смог найти ничего, кроме плана, который очень пригодился бы для записи его идей о великих военных мемориалах в Вердене и Аррасе, многоклеточном расположении каждого из них, отличающемся богатством и изысканностью.

Пара внутренних слепков, иллюстрирующих развитие архитектурной группы ячеек. Вверху - однокомнатный жилой дом. Внизу - типичный небольшой дом периода Регентства. Первый этаж был демонтирован, но эллиптический лестничный колодец с фонарем показан завершенным. Передняя часть имеет двойной пролет, а вестибюль имеет сводчатый потолок.

Давайте на мгновение рассмотрим, как с течением времени сформировался этот настрой и как он достиг своей нынешней сложности. За пещерой и палаткой следует однокомнатный коттедж, столь далекий по духу от современного дома, но все же сохраняющийся повсюду рядом с ним. Под его единственной крышей жильцы спят, готовят, едят; когда-то даже дворовые животные были допущены в его убежище, как верблюд и осел сегодня допускаются в хижину египетского феллаха. Однако в этом рудиментарном жилище одну за другой возводятся камеры по мере того, как обостряется нужда и появляется возможность: скот отводится в одну сторону, кухонный очаг - в другую, кровати - в третью; за ними следуют погреб, кладовая, склад инструментов. Новые ячейки примкнули к старым; дом превратился в организованное сочетание частей; в нем можно найти элементы плана. Но, несмотря на организованность, он остается бессистемным по расположению, что один из персонажей Джейн Остин насмешливо называет “беспорядочным набором низких одноместных комнат с таким же количеством крыш, как и окон”. Его рост постепенный и экспериментальный, ненаправленный, почти слепой. Однако он не остается таким вечно, поскольку человек - это животное, которое учится на всем, что оно делает. Со временем те же самые элементы, когда-то разбросанные, будут измерены и составлены вместе в дом дальновидным умом того, кто отныне будет известен как архитектор. Постепенно, но верно приобретает большая согласованность, большая упорядоченность, и из растущей мощи масштабного и упорядоченного планирования проистекают высшие достижения архитектуры, которые являются гордостью нашей расы. Ратуша, дворец, театр, церковь - все это исходит из того же умения создавать ячейки и объединять их в продуманное целое, в план.

Типичная церковь итальянского среднего Возрождения с одним большим и четырьмя меньшими куполами. Эта схема и те, что приведены на [стр. 19](#), изображают не внешний вид здания, а внутреннее пространство, его стены и потолки сняты и снаружи рассматриваются как единое целое по тому же принципу, что и конструкция небесного шара.

Формировать, собирать; но по чьему приказу? Не архитектору решать, какие ячейки там должны быть; какого размера ячейки, предназначенные для какой цели, объединенные в каком количестве. Архитектор - всего лишь слуга, и это дело его хозяина. Именно когда мастер не обращает на них внимания, мы получаем здание без содержания, без души: здание, которое допускают в царство архитектуры только с согласия, поскольку нет ничего, что придавало бы его ячейкам какую-то особую форму или предполагало бы или навязывало какое-то особое расположение этих ячеек. Это типичное построение сегодняшнего и завтрашнего дня, и среди различных организаций, которые помогли воплотить его в жизнь, свобода современной женщины, безусловно, является первой и, вероятно, самой важной. Кроме того, существует несколько причин социальной нестабильности, которые так или иначе влияют на архитектуру, и каждая из них помогает сделать современное здание более неопределенным или, как сказал бы биолог, более явно лишенным морфологической дифференциации. С формальной стороны также (в отличие от функциональной) можно мимоходом отметить два меньших влияния. Одно из них - это поразительное проявление антиэстетического энтузиазма, который продолжался в различных обличьях с момента зарождения цивилизованного общества, но который сегодня приобретает дополнительную силу в том смысле, что его источник находится в самой цитадели искусства. Следует опасаться, что совет Маринетти использовать алтарь искусства в качестве плевательницы не был полностью проигнорирован архитекторами, хотя их коллеги-художники, возможно, приняли его гораздо более близко к сердцу. Другое внешнее влияние более тонкое, но не менее активное. Было отмечено, что только в плане могут быть адекватно представлены главные достоинства великой архитектуры. Важным фактом является то, что главным носителем архитектурной информации сегодня, самым популярным средством фиксации архитектурного совершенства, является фотография, а не план, которому она является прямой противоположностью. Фотография выражает все, что план оставляет недосказанным; она игнорирует все, за исключением небольшого остатка основных качеств, зарегистрированных в плане, и этот остаток она искажает и фальсифицирует до такой степени, что делает ее свидетельство хуже, чем бесполезным. Нам еще предстоит показать фотографию, которая, представляя интерьер комнаты, передаст толику достоверной информации о форме этой комнаты. Ибо, рассматривая комнату через фотографию, мы, следует помнить, смотрим на нее через маленькое отверстие в коробке. Таким образом, эти два фактора, поскольку они вступают в контакт с архитектурной формой, явно оказывают разрушительное воздействие, но влияние, которое должно привлечь наше внимание в следующий раз, несравненно глубже.

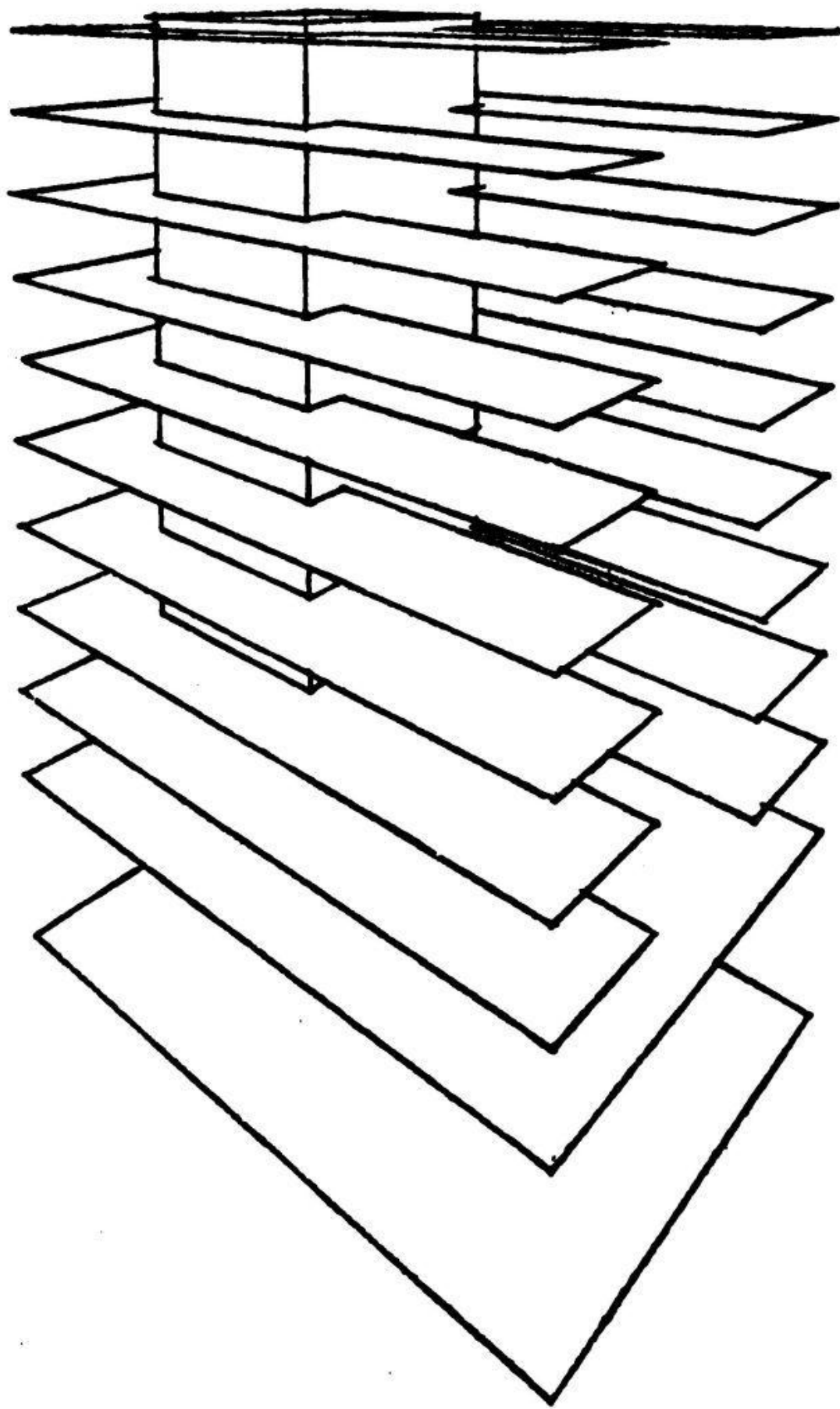
Прошло ровно полвека с тех пор, как феминистское движение положило начало карьере, триумфальный финал которой совпал с великим Версальским миром. В этой стране не было феминистской агитации, о которой стоило бы говорить, пока сигнал не был дан Законопроектом о реформе 1876 года. В том же самом году покойный Джон Ванамейкер, который некоторое время занимался бизнесом в Филадельфии в качестве продавца мужской одежды, обнаружил, что женщины, похоже, готовы совершать определенное количество покупок за свой счет. Он открыл новый отдел, который стал основой его последующих успехов. Там, где мужчины быстро входили и выходили, думая только о галстукке или паре ботинок, которые они пришли купить, длинная вереница женщин двигалась от прилавка к прилавку, встревоженных множеством упущений в своем списке покупок и благодарных за то, что обнаружили, как легко эти упущения можно исправить. За небольшим отрядом работниц, марширующих к победе, последовала армия покупателей, в сто раз более многочисленная, с такой энергией и предприимчивостью, что отделы мужской одежды повсюду были включены в их и без того обширные владения.

Должно быть, в течение некоторого времени все женщины были вожделенны, потому что даже в первые годы девятнадцатого века крупные драпировщики Вест-Энда одевали подходящую дебютантку в свои лучшие наряды, щедро полагаясь на то, что она найдет мужа, который сможет позволить себе оплачивать ее счета. Но хотя приманка была готова, ее возможность еще предстояло найти, и когда феминистское движение наконец предоставило ее, крупный магазин тканей рванулся вперед, и две революции одновременно пошли вперед. Первый акт публичного насилия был совершен приверженцами феминизма в 1909 году, и когда камни полетели в окна правительственных офисов в Уайтхолле, недавно возведенные окна мистера Гордона Селфриджа стали предметом пристального внимания более миролюбивых женских глаз. Позже необходимо будет рассмотреть влияние современной женщины с других точек зрения, но мы можем быть уверены, что ни с одной из этих точек зрения оно не было более мощным или более примечательным, поскольку как потребитель богатства она меняет дизайн наших зданий более основательно, чем это очевидно даже сегодня.

Пройдет совсем немного лет, прежде чем большой новый магазин тканей примет характерную форму, которая постепенно будет навязываться многим другим нашим зданиям. Почти сразу становится понятно, что никакая внешняя стена не должна отделять первый этаж здания от тротуара улицы, поскольку бизнес может преуспеть только в том случае, если невообразимая коллекция товаров будет обильно и соблазнительно выставлена на обозрение женственной прохожей. В течение некоторого времени проводились эксперименты (в частности, в магазинах Leonhard Tietz в Германии) со зданиями, покрытыми стеклом сверху донизу, но, хотя немецкие архитекторы все еще играют с этой идеей, знакомые участки цельного стекла в настоящее время применяются только на первом этаже. Однако внутри зданий стены не требуются ни в одной точке, ни на одном из этажей, и там мы находим большие открытые пространства, не загораживающие обзор и позволяющие перемещать прилавки и витрины взад и вперед в соответствии с капризными приливами моды. Здание больше не состоит из выразительной последовательности определенно сформированных полостей; есть только слой за слоем бесформенного пространства, ярус за ярусом свободных площадок, вдоль которых сотни специализированных отделов могут разместить свои сверкающие кабинки. Это напоминает памятник архитектуры не больше, чем рыночная площадь, покрытая навесами от солнца. Фактически это превратилось в ряд висячих торговых площадок, нагроможденных одна на другую, поднимающихся высоко в воздух и уходящих на много ярдов в землю.

Составные части зданий этого типа состоят из четырех частей. Есть сами этажи; и есть подпорки, необходимые для поддержания этих этажей. Существует покрытие, непрозрачное или просвечивающее, в которое заворачиваются верх и стенки для защиты содержимого от непогоды. Наконец, есть частная дорога, которая проходит через здание сверху донизу. Эта дорога относится к современному композитному типу, о котором еще нужно сказать немного больше. Давайте здесь лишь обратим внимание на то, что, поднятый на дыбы и направленный вверх, он позволяет посетителям ездить верхом или ходить пешком с одного уровня на другой, в то же время он содержит внутри себя многочисленные трубы, по которым вода, тепло и электроэнергия доставляются на каждый этаж, а сточные воды отводятся с него и сбрасываются в общественную канализацию.

Часть современного коммерческого здания, лишенная внешнего ограждения стены и со снятым несущим металлическим каркасом. U-образные напольные платформы как бы врезаны в вертикальную дорогу, в которой расположены лифты, лестницы и различные виды трубопроводов. (Вулворт-билдинг, Нью-Йорк, автор Касс Гилберт.)

Новой выпотрошенной архитектуре, когда-то изобретенной строителем магазина тканей для своих покупательниц женского пола, не потребовалось много времени, чтобы завоевать очень большое количество поклонников. Действительно, у него не могло быть более благоприятного места происхождения. Как пчела переносит пыльцу с цветка на цветок, так и не менее неутомимый торговец тканями разносил семена этой архитектуры по улицам каждого важного города. Нам нужно только напомнить себе о том, как он сегодня продвигается вперед в лондонском Вест-Энде, превращая золотой палочкой всю Риджент-стрит, значительную часть Оксфорд-стрит и значительную часть Кенсингтона и Бейсуотера во что-то очень богатое и, как я пытался показать, немало странное. Пожалуй, самой богатой из всех является колоннада на Оксфорд-стрит, отношение которой к остальному Лондону подобно отношению между величественной громадой трансатлантического лайнера и миниатюрными пропорциями окружающего его флота буксиров. Современный магазин тканей столь же велик, сколь и вездесущ, и его богатство и мощь созвучны этим внешним признакам важности. Магазин Wanamaker, о котором я уже говорил, представляет собой интересный пример того высокого уровня, которого достигли эти заведения сегодня. Всем известно об интересе, проявляемом такими изданиями, как The Daily Mail, к строительству и оборудованию загородного дома, интересе, который, казалось бы, не был бы для них невыгодным. Однако в октябре 1925 года открылся нью-йоркский магазин Wanamaker store - великолепная и увлекательная выставка, посвященная исключительно будущему развитию города Нью-Йорка. Насколько мне известно, это первая в своем роде выставка, проводимая где бы то ни было, и она демонстрирует чувство ответственности, дальновидность, смелость и общественный дух, которые трудно найти в каком-либо бизнесе. Прежде всего, конечно, это указывает на очень значительную степень достатка, поскольку сама выставка сопровождалась широкой и интенсивной рекламной кампанией в нью-йоркской прессе. Коммерческий дом, который может позволить себе прилагать такие усилия для популяризации архитектурных и градостроительных проектов, может претендовать на звание довольно важного учреждения и богатого покровителя искусств. Важность и роскошь магазина тканей были приданы современными эмансипированными женщинами.

Тогда возможности проектирования открытых этажей для всех типов зданий были широко представлены и получили широкое признание. Из магазинов и фабрик новое устройство распространилось на офисные здания, претензии которых на принадлежность к современному движению обычно не принимаются, если только они не состоят из одной и той же последовательности стеллажеобразных этажей, подвешенных вокруг центральной дороги. Школы и университеты уже придерживаются принципа неоформленного и неразделенного пространства. Обращение, недавно опубликованное от имени Питтсбургского университета, начинается с заявления о том, что университету требуется 14 460 000 кубических футов пространства для выполнения своих обычных функций. Я не могу не упомянуть, что одним из объектов новых зданий является (как говорится далее в обращении) увековечивание памяти "достижений Питтсбурга" и свидетельство их "рекордов по производству тоннажа". Идея увековечить производство тоннажа в Питтсбурге на территории университета в 14 460 000 кубических футов не лишена собственной приятной логики.

А как же дом и домашние очаги? Неужели и там мы встретимся с той же неопределенной пустотой, с тем же отсутствием внутренней формы? Голландский архитектор уже построил дом,

в четырех внешних стенах которого нет ничего, кроме верхнего этажа, на который ведет открытая лестница. Верхний и нижний этажи разделены с помощью подвижных ширм, которые позволяют владельцу обустроить свои комнаты в соответствии с прихотями момента и, я полагаю, приспособить свою комнату к мере своего гостеприимства. Конечно, именно так в основном строятся дома в Японии, но следует помнить, что, хотя японский дом построен полностью без стен, как внутренних, так и внешних, он все же демонстрирует предельную сложность и формальную утонченность в общих чертах своего дизайна. План существует, хотя постоянным является только его скелет, а перегородки сделаны подвижными по другой причине, чем та, которая заставляет их исчезать из наших западных зданий. Более того, японский дом только одноэтажный, и если открытый этаж также должен прочно утвердиться в нашей собственной домашней архитектуре, то у нас он, вероятно, также будет ограничен одноэтажным жильем, бунгало и городской квартирой. Но даже в них внешние стены и окна, конечно, останутся — во всяком случае, до тех пор, пока мы не приобретем выносливое телосложение японцев, для которых бумажная ширма является достаточной защитой в любую погоду.

Разрушение основного архитектурного импульса завершается в тот момент, когда функция здания выражается в недифференцированной массе кубических футов. Именно в этот момент впервые проявляется второе великое движение, движение, которое должно заменить старый внутренний импульс новым внешним. Следует напомнить, что это движение проистекает из угрозы отказа наших коммуникаций, отказа, который, однако, вызван не недостатком самих этих коммуникаций, а огромной и неравномерной перенаселенностью современных городов. И значительный рост нашего населения, являющийся главным достижением девятнадцатого века, представляет собой три аспекта, каждый из которых на данном этапе требует тщательного рассмотрения.

Во-первых, рост населения не был равномерным, а происходил гораздо быстрее в крупных городах Европы и Америки, чем в сельской местности. Таким образом, в то время население Англии и Уэльса увеличилось примерно на 90 процентов. между 1861 и 1921 годами соответствующий рост для Лондона составил около 133%, в то время как Берлин и Нью-Йорк выросли на 500 и 600 процентов. соответственно. Разница, однако, незначительна, поскольку на протяжении второй половины девятнадцатого века она была гораздо больше, чем сегодня. Городское население Англии, например, росло в течение десятилетия 1870-1880 со скоростью, которая составляла почти 200 процентов. превышающей темпы роста сельского населения. В первом десятилетии нынешнего столетия превышение показателя в городах над сельским населением составило всего 10 процентов.

Наше второе наблюдение заключается в следующем: в то время, когда город был на пике своего развития, темпы роста городского населения росли слишком быстро, чтобы сопутствующий рост застройки мог поспевать за ними. Результатом стало то, что рост объемов строительства привел к просрочке, и что эта задолженность все еще частично подлежит погашению сегодня. По мере того как жителей становилось все больше, нехватка домов становилась все острее, пока, наконец, повсюду не стало проявляться уродливое и даже опасное скопление людей. Такого скопления людей никогда бы не существовало, если бы темпы строительства были равны темпам роста населения; какими бы быстрыми они ни были, темпы строительства никогда не могли стать достаточно быстрыми. Похожая ситуация, хотя и по другой причине, сложилась после великого лондонского пожара, когда сам Рен был вынужден

осудить пагубные последствия, вызванные “огромным спросом на поспешные работы в тысячах домов одновременно”. Итак, общеизвестно, что рост строительства может происходить в двух направлениях, но не всегда осознается, что два вида роста должны происходить вместе, что у каждого есть своя назначенная функция, которую другой не в силах выполнить. Рост города *наружу* на его периферии необходим, и *восходящий* рост его центрального региона также необходим. Первая была главной заботой вчерашнего и сегодняшнего градостроительства, которое, к сожалению, не смогло выполнить поставленную перед ним задачу. Второе, вероятно, станет главной заботой градостроителей ближайшего будущего. Будем надеяться, что ему повезет больше.

Эти два процесса роста идентичны в одном отношении. Каждый из них, как и все известные науке формы роста, остается полностью нормальным и полезным до тех пор, пока его правильно регулируют. Мы знаем, что рост различных частей нашего тела регулируется с помощью химических веществ, известных как гормоны, и что там, где определенных гормонов не хватает или они присутствуют в избытке, мы становимся карликами и гигантами, зобом и кретинизмом. Когда со строителями города случается, что, по удачной фразеологии памфлета семнадцатого века, “у магистрата либо нет власти, либо нет заботы заставить их строить с каким-либо единообразием”, они сразу же становятся проводниками роста, который так же ненормален, так же неприятен, как и эти физиологические процессы. Казалось бы, как научил нас девятнадцатый век, способность регулировать архитектурный рост начинает ослабевать, когда этот рост превышает определенную меру скорости и срочности. Очевидно, что по мере увеличения темпов роста регулирующая власть также должна увеличиваться, если она хочет сохранить эффективный контроль над зданием, поскольку, если она не сможет увеличиться в аналогичном соотношении, ее влиянию должен прийти конец. Это то, что происходило слишком часто. Каким бы бессистемным и неблагодарным ни был рост строительства на протяжении всей западной цивилизации, нигде он не был более нерегулярным, чем в тех точках, где он развивался наиболее быстро и где требования растущего населения достигли предельной остроты. Нам часто говорят, что Нью-Йорк - это город высотных зданий. Здесь нет ничего подобного: это умеренно низкий город, обезображенный всего лишь *несколькими* высокими зданиями. Не более одного здания из каждой тысячи в районе острова Манхэттен, известном своими небоскребами, превышает двадцать этажей в высоту. Также не следует забывать, что *средняя* высота зданий в Нью-Йорке точно такая же, как и в Лондоне, и несколько меньше высоты зданий в Париже. Но хотя стремительный рост двух европейских городов ни в коем случае не был равномерным и гармоничным, он не достиг той поразительной неравномерности, которая вызывает такие незаслуженные похвалы у английских гостей Нью-Йорка. Следствием является неравномерность, и источник этой неравномерности заключается, с одной стороны, в резком и неравномерно выдерживаемом напряжении, создаваемом строительством в попытке обогнать темпы прироста населения, а с другой - в полном или частичном нарушении надлежащего гражданского контроля и отказе от гражданских стандартов в строительстве.

Третий факт, который необходимо зафиксировать в связи с ростом нашего населения, является любопытным. В то время как рост застройки просто имел тенденцию становиться пропорциональным росту населения, было необходимо, чтобы средства связи расширялись гораздо более быстрыми темпами. Чем больше было людей, тем чаще и быстрее эти люди были вынуждены переезжать с одного места на другое. Таким образом, в то время как жители Европы и Америки умножались, скажем, подобно накоплению процентов на сумму основного капитала,

передвижение этих жителей, их разнообразного имущества, их еды и питья, материалов и продуктов их труда, отходов, оставшихся в результате их индивидуального и корпоративного метаболизма, все это движение увеличивалось в масштабах, объеме и стремительности подобно сложным процентам или подобно снежному кому, разрастающемуся в лавину. На этих страницах невозможно рассмотреть этот таинственный закон сколь-либо подробно, но, возможно, можно привести пример его действия. Только что было заявлено, что за шестьдесят лет, 1861-1921, население Англии и Уэльса увеличилось примерно на 90 процентов, или, грубо говоря, с двадцати миллионов до тридцати восьми. Можно привести множество цифр, иллюстрирующих рост средств связи за тот же период, но для нашей цели будет достаточно тех, которые приводит Почтовое ведомство, в чьих предприимчивых руках этот рост возник. Таким образом, мы находим, что годовой почтовый доход этой страны в 1921 году увеличился с четырех миллионов в 1861 году до сорока пяти миллионов, то есть на 1025 процентов. Если это скорость, с которой должны расширяться наши коммуникации, неудивительно, что дорожные службы Лондона жалуются, что чем больше удобств они могут предоставить, тем больше становится спрос на эти услуги. Какими бы поразительными ни казались цифры Почтового отделения, если бы мы могли так же легко оценить рост общего движения по нашим дорогам, включая не только пешеходов и автотранспорт, но и передачу воды, топлива и сточных вод, а также письменных и устных сообщений, мы обнаружили бы этот рост еще более значительным. Мы также не должны удивляться долгой героической борьбе ученых и законодателей девятнадцатого века за усовершенствование этой великой и сложной конструкции, современной дороги, или удивляться, видя, как они расширяют ее туда и сюда, и охраняют от посягательств, и выравнивают и выпрямляют ее траекторию, и ищут для нее прочное основание, и делают ее поверхность твердой и непроницаемой, и сушат ее, чистят, освещают и, наконец, оборудуют для автоматической подачи воды и топлива, а также для непрерывной уборки всех наших городов.

Именно это замечательное достижение цивилизованного человека сегодня угрожает стать неэффективным. Как только начался рост, стало ясно, что острое соперничество между зданиями и дорогами неизбежно, и, кроме того, если не будет ревностно поддерживаться баланс между этими двумя факторами, результат для дорог, столь необходимый для жизни нашей цивилизации, будет катастрофическим. Первая половина девятнадцатого века ознаменовалась принятием бесчисленных частных актов, связанных со строительством дорог, а в 1848 году знаменитым Законом об общественном здравоохранении был создан значительный национальный механизм, с тех пор усовершенствованный и расширенный многими более поздними мерами. Закон об общественном здравоохранении преследует, по сути, две цели. Хотя более важным из них является обеспечение быстрого, безопасного и эффективного развития дорог, Закон также был разработан для обеспечения того, чтобы рост новых зданий с его стремительной скоростью не опускался ниже достойного уровня прочности, комфорта и чистоты. Но все это время дорога остается предметом особой заботы властей, поскольку, хотя в качестве строительных контролеров они просто инспектируют и санкционируют те работы, которые выполняются частными предприятиями, они сами берутся за строительство и починку дорог со все возрастающим рвением. И их работа не показала бы ни малейшего признака неудачи, если бы не ненормальный и нерегулируемый рост наших крупных городов, рост, который сейчас достиг стадии, на которой дорожник должен взять на себя определенную меру контроля, чтобы движение на наших улицах продолжалось.

Контроль зданий не является чем-то новым. В дополнение к мерам, принятым для защиты целостности дорожного пространства, на протяжении нескольких столетий у нас было право протестовать против строительства, возводимого с целью, которая может считаться вредной. Это право не только было обеспечено непосредственно посредством законодательства, но и государство взяло на себя ответственность за то, чтобы обязательства, заключаемые между землевладельцем и арендатором, выполнялись в точности. Если бы кто-нибудь предложил построить фабрику по производству ядовитых газов на Гросвенор-сквер, его соседи имели бы немедленную власть остановить его, в то время как фруктовую лавку можно было бы выгнать только в том случае, если было бы установлено, что ее владелец нарушает условия, на которых предоставляется земля. Закон, однако, поддерживает такие условия, и с помощью этих двух средств удастся осуществлять значительную меру *контроля над пользователями*, как это сейчас обычно называют. Итак, зонирование - это, по самому своему названию, комплексная система контроля пользователей того же рода. Однако в той мере, в какой это просто запрещает возведение зданий определенного класса в указанной зоне, вряд ли можно сказать, что это влияет на архитектурную форму. Истинное архитектурное значение зонирования заключается в том факте, что градостроитель, не сумев должным образом контролировать *высоту* зданий, отдает в руки дорожника "чрезвычайные" полномочия, позволяющие ему контролировать их *пропускную способность*.

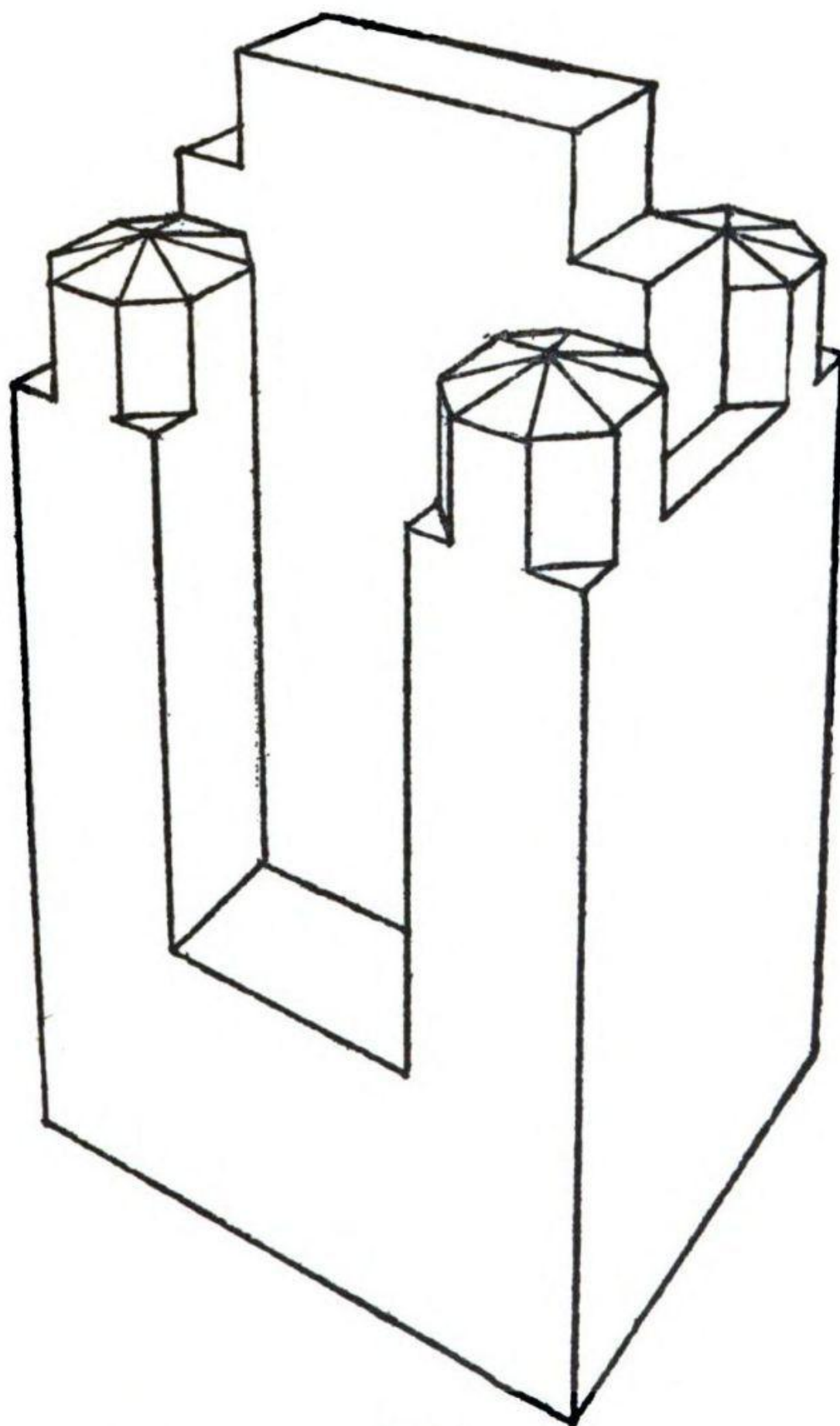
Однако он не может надеяться сделать это справедливо и с пользой, не уделяя должного внимания использованию или функциям каждого здания в то же время, когда он интересуется его вместимостью, и этот двойной контроль, по сути, является особой целью дорожника в качестве контролера зонирования. Позвольте мне привести пример того, как он ходит на работу. Комитет, который готовит план развития региона Нью-Йорк, подсчитал, что на одну милю театров в день приходится 36 000 транспортных средств. Соответствующий показатель для улицы пригородных магазинов всего в четверть раза выше, в то время как на милю фабрик обычного размера приходится всего 600 автомобилей. С другой стороны, быстрое развитие трудосберегающего оборудования ежедневно увеличивает производительность современных фабрик, и за последние семь лет объем товарооборота, приходящегося на одного работника средней американской мастерской и выходящего из нее, увеличился более чем вдвое. Помимо движущихся транспортных средств, необходимо учитывать и стационарные, хотя, несомненно, приближается время, когда парковка автомобилей на общественных местах будет запрещена в большинстве крупных городов. Наихудший аспект этой второстепенной проблемы, конечно, представляют увеселительные заведения, аудитория которых привыкает к автомобилям даже быстрее, чем сообщество в целом. Пройдет не так много лет, прежде чем американская театральная и концертная публика привыкнет к автомобилям, исключая любое другое транспортное средство, и когда это условие будет достигнуто, для уже упомянутой мили театров потребуется полоса земли шириной более ста футов по всей своей длине, чтобы освободить место для очередей ожидающих автомобилей. К счастью, автомобили еще не получили такого широкого распространения в нашей стране, но любой, кто прогуливается по узким улочкам на западной стороне Шафтсбери-авеню, скажем, между восемью и десятью часами вечера буднего дня, должен прийти к выводу, что и у нас трудности быстро нарастают.

Каково решение этого узла взаимосвязанных проблем? Мы можем достичь этого только в том случае, если рассчитаем пропускную способность каждого здания, умножим эту цифру на коэффициент интенсивности движения, а затем сопоставим эту цифру с пропускной способностью прилегающих улиц. Какими бы трудными ни казались эти вычисления, они, тем

не менее, вполне выполнимы. На них основана наука о зонировании, наука, которая пока еще настолько несовершенно понята большинством из нас, что было необходимо описать ее происхождение и назначение в некоторых деталях. Теперь мы можем перейти к вопросу о том, каким, вероятно, будет его влияние на архитектуру ближайшего будущего. Ответ может показаться противоречащим самому себе. Постановление о зонировании, разработанное с целью защиты улицы от чрезмерного роста ее застройки, должно прежде всего способствовать увеличению размеров среднестатистического отдельного здания и предоставлять ему определенную формальную автономию, которая быстро разрушит немногие оставшиеся остатки целостного уличного дизайна.

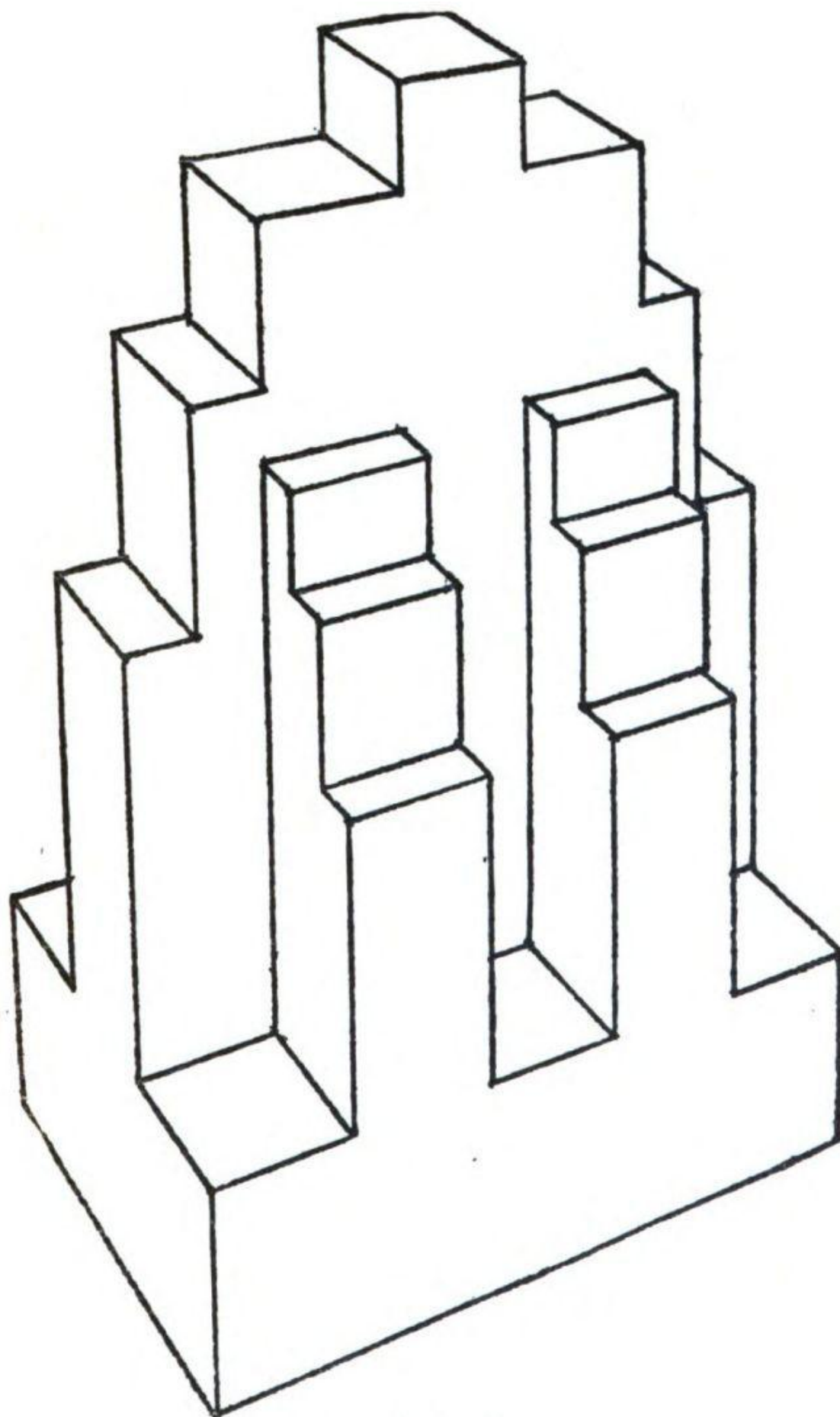
Ограничение по высоте, подобное тем, что действуют в Англии, основано на концепции гражданского порядка, но, кроме того, оно может иметь одну из трех практических целей. Он может быть спроектирован для предотвращения неустойчивого строительства, или для обеспечения того, чтобы окружающая территория не была чрезмерно затемнена, или для того, чтобы струя воды переливалась через крышу при вспышке пожара. Постановление о зонировании не касается ни одной из этих вещей. Его цель состоит в том, чтобы регулировать пропускную способность самостоятельно, и для этого он проводит наклонную линию вверх от центра улицы, таким образом фиксируя угол, в пределах которого должны оставаться очертания здания. Теперь, в первую очередь, следует отметить, что быстро наклоняющиеся стены столь же непрактичны, сколь и неприглядны в зданиях большой высоты. Из этого следует, что наилучшим образом выполнить это постановление можно, разбив фасад на отступающие вертикальные плоскости, каждая из которых отделена от следующей узкой террасой. И чем больше участок, занимаемый зданием, отступающим таким образом под фиксированным углом, тем выше сможет подняться это здание, поскольку в треугольнике, углы которого остаются постоянными, высота будет меняться в зависимости от основания. Во-вторых, зданию глубиной более, скажем, шестидесяти или семидесяти футов потребуется открытая площадка, чтобы обеспечить его достаточным количеством света и воздуха. В небоскребах старомодного типа было принято размещать эту зону в центре здания, которое представляло собой четырехугольную коробку, окружающую с четырех сторон глубокую центральную пустоту. Но именно в его центре зданию, возведенному в соответствии с постановлением о зонировании, разрешается достигать максимальной высоты. Отказываться от этой части, более ценной, чем любая другая, из-за необходимой площади, конечно, было бы глупостью, и, как следствие, площадь размещается там, где потеря полезного объема будет наименьшей, то есть на периферии здания, таким образом, чтобы быть открытой для улицы.

Зонированное здание, состоящее из H-образного расположения параллелепипедов с двумя внешними зонами. Влияние американского закона о зонировании видно только в верхней части. Это объясняет отступление центрального блока и восьмиугольную башню, венчающую каждый угол. (Здание клубов братства в Нью-Йорке, авторства Мергатройда и Огдена.)

Таким образом, здание, возведенное в соответствии с постановлением о зонировании, будет занимать столько земли, сколько его владелец сможет купить на заемные деньги, и, по возможности, займет всю площадь городского квартала, так что оно будет ограничено улицей со всех четырех сторон. Кроме того, в его очертаниях будут присутствовать две поразительные характеристики. Он будет подниматься со всех сторон чередой убывающих ступеней, собираясь на вершине в центральную башнеобразную массу, которая, при условии, что ее площадь не превышает установленного предела, сама может избежать сдерживающего влияния и беспрепятственно подниматься. И хотя на каждом углу сама уличная стена доведена до полной высоты, допустимой в соответствии с постановлением, центральная часть каждого фасада будет углублена таким образом, чтобы образовать один или несколько открытых дворов или площадок. На момент написания этой статьи Лондон вот-вот станет свидетелем завершения строительства своего первого здания, спроектированного в соответствии с этими принципами. Почему американские правила зонирования должны были регулироваться дизайном нового здания Devonshire House в Лондоне, не слишком понятно, но эта интересная работа, во всяком случае, представляет собой ценную иллюстрацию законов роста, которым в будущем будет подчиняться американская архитектура. По этой причине это, безусловно, самое интересное и наиболее характерно современное из наших больших новых зданий. Как раз сейчас наблюдается любопытная тенденция называть современными небольшое количество строений, окна которых обработаны в соответствии с недолговечной эстетической модой тридцатилетней давности. Девоншир Хаус является доказательством того, что архитектура может быть более современной, чем эта, поскольку здесь впервые в Лондоне активно применяется новый закон о зонировании.

Зонированное здание, более новое, чем предыдущее, демонстрирующее полное действие американского закона о зонировании. Центральный параллелепипед здесь пересекает два других, образуя, таким образом, шесть внешних зон, разделенных шестью выступами, похожими на контрфорсы. Каждый из этих выступов отступлен назад в соответствии с законом зонирования. (Здание Bell Telephone Building, Сент-Луис, работы Рассела и Кроуэлла.)

Теперь мы можем понять, почему было отмечено, что зонирование заменило новый архитектурный импульс на руководящий импульс внутренней формы, которому мы обязаны главными шедеврами архитектуры. Зонированное здание никогда не может быть шедевром в том же смысле, что и эти. Вы не можете сравнить зонированное здание с Шартрским собором, так же как вы не можете сравнить костюм с пресс-папье. Форма одного продиктована чем-то, работающим изнутри наружу, в то время как форма другого является результатом воздействия на поверхность извне. Пресс-папье может быть по-своему так же красиво, но его красота, как красота одежды, не проистекает из его способности облекать человеческие формы подходящей, выразительной и достойной оболочкой. Точно так же зонированное здание может быть красивым, но не с красотой величайшей архитектуры, которая заключается в создании жилища, человеческого или божественного, таким образом, чтобы охранять и радовать тех, кто входит в него. Зонированное здание, повторяю, как и Питтсбургский университет, представляет собой несколько кубических футов, нагроможденных вокруг частной дороги. Любой новый формальный импульс, который может контролировать его рост, находится на улице снаружи; любое новое формальное совершенство, которое он может продемонстрировать, берет свое начало в направляющем авторитете этой улицы. Но, несмотря на низкое качество его продукции, легко увидеть, что постановление о зонировании дает большие надежды архитектуре будущего, придавая свежий и энергичный мотив вместо старого, который быстро угасает, и устанавливая авторитет разума там, где сейчас правит только каприз.

Прежде чем мы оставим эту тему, возможно, следует добавить несколько слов относительно ограничений этого метода контроля. Очевидно, что его нельзя применять повсеместно с одинаково приятными результатами. Город или район, в котором улицы проходят под прямым углом друг к другу, покажет это в лучшем виде, поскольку там, и только там, определяющие линии могут пересекаться с какой-либо степенью регулярности. Лондонским зданиям тоже иногда приходится соответствовать установленному углу наклона, хотя и по другой причине, чем зданиям в Нью-Йорке. Но неровность наших улиц и узость фасадов большинства наших зданий привели к тому, что эти контролируемые углы превратились в источник гротескной неоднородности и уродства вместо того, чтобы позволить им установить новый порядок. Наш город также не должен содержать чрезмерно большие участки или иметь некоторые из его улиц на таком узком расстоянии друг от друга, чтобы образовывать участки значительно меньшего размера, чем в среднем. Большая площадь допускает слишком большую высоту здания, меньшая - слишком малую, и представляется необходимым, чтобы "уличный квартал", в дополнение к правильному контуру, также соблюдал приблизительное равенство размеров. Основанные на этих двух принципах равенства, постановления о зонировании продолжают создавать равенство по высоте и содержанию, которое, в свою очередь, порождает еще один принцип, являющийся гарантией их окончательного успеха. Ибо в Америке не будет процветать ничего, что не окупается, и, к счастью, было установлено, что зонирование окупается, и окупается очень щедро. "Риелторам" крупных американских городов не потребовалось много времени, чтобы обнаружить, что, хотя строительство небоскреба должно повышать ценность окружающей земли, это повышение значительно выше там, где рост контролируется, чем там, где ему предоставляется свобода загромождать, душить и затемнять территорию, как это было в Нью-Йорке девятнадцатого века. Для соседнего землевладельца нерегулируемый небоскреб, если он указывал на новые возможности, был в то же время злом и разочарованием, ибо, если бы все здания одновременно поднялись на одну и ту же высоту, разве они не разрушили бы друг

друга? Таким образом, постановление о зонировании стало частью республиканской политики Соединенных Штатов, согласно которой конкурентное общество создано для того, чтобы приносить прибыль, а не возвышение, и присматривает за этими своими детьми с демократической заботой.

Мы с некоторой тщательностью изучили эволюцию колесного транспорта и изменения, которые его увеличение неизбежно должно вызвать во внешнем виде наших улиц. Можно спросить, разве полеты не всегда описываются как передвижение будущего, и разве форма наших зданий, вероятно, не отражает столь важное событие? Первая часть этого вопроса вывела бы нас за рамки настоящего эссе, но ответ на вторую часть, возможно, станет темой отступающего абзаца. Можно с полным основанием сказать, что конструкция здания, скорее всего, будет отвечать потребностям воздушного движения только тремя способами, но не любым способом, который, вероятно, будет иметь большие последствия. Первая возможность заключается в том, что от здания может потребоваться предоставление средств, позволяющих самолетам совершать безопасную посадку на его крыше. Таким образом, становится необходимой плоская крыша достаточных размеров, и все же мы видели, что одним из последствий постановления о зонировании является разделение поверхности крыши здания на ряд узких выступов.

Следовательно, здание, на вершину которого желательно посадить самолет, в тех местах, где преобладает зонирование, должно быть заметно низким. Возможно, крыша может кое-где выступать наружу за стены здания, что является способом, недостатки которого таковы, что вряд ли его часто будут применять. В любом случае необходимо будет обеспечить вход в здание с этой крыши, но в этом нет ничего особо нового. Вторая возможность заключается в том, что самолет, возможно, придется спустить с крыши здания на уровень улицы. Самый простой способ совершить этот спуск - (цитирую газетное объявление о выставке great Wanamaker, на которое я ссылался) "спуститься штопором по внешней стороне здания". Одна из замечательных настенных карикатур, включенных (рядом с "семейным самолетом Форда") в эту выставку, изображает огромную цилиндрическую башню, окруженную нисходящей спиралью, по виду очень похожей на штопор. Однако эта башня не является обычным городским зданием, а представляет собой специальное сооружение, возвышающееся высоко над их скоплением, увенчанное причальной мачтой для дирижаблей. К счастью, еще предстоит спроектировать здание, которое, предоставляя убежище, каким бы недостойным оно ни было, людям, обернется широкой пожарной лестницей для удобства штопорных самолетов. И в целом нет никаких оснований предполагать, что наша городская архитектура когда-либо будет уделять столь непомерное внимание развитию самолета, чтобы трансформироваться таким образом.

Но следует отметить, что воздушные путешествия неизбежно приведут к появлению ряда зданий особого рода, предназначенных только для этой цели. Можем ли мы ожидать, что такие здания будут такими же новыми и в высшей степени характерными, как, казалось бы, предполагает мультфильм Ванамейкера? Трудно поверить, что среди них найдется что-то более необычное, чем ангар для дирижаблей, который уже является знакомым зрелищем и который, надо отдать ему должное, представляет особый интерес тем, что это единственное современное здание, назначение которого содержит неопровержимый аргумент в пользу сводчатой крыши по всей его ширине. Ангар, построенный в Орли французским инженером Фрейссине, является, пожалуй, самым известным примером в этой стране; если это не так, то он, безусловно, заслуживает того, чтобы им быть. Но хотя округлая форма воздушного шара явно требует сводчатой крыши, нет причин, по которым такие крыши нельзя было бы использовать в других местах, поскольку они фактически использовались на протяжении

многих столетий; и в своем почтовом отделении в Утрехте голландский архитектор Крувель подарил нам здание, которое, лишенное огромных часов, прилавков и другой мебели, блуждающий дирижабль мог бы легко принять за свое привычное логово. Каким бы поразительным ни был внешний вид ангара в Орли, вряд ли было бы справедливо приписывать его успех особой функции, которую он так эффективно выполняет. И если это все, что дирижабль, вероятно, может сделать для архитектуры, то что же нам сказать об аэроплане? Похоже, что только при выполнении движения, описанного нашими американскими друзьями как “штопор”, самолету потребуется помощь архитектурного новатора. До тех пор мы должны оставаться довольными тем, что он обитает в здании, едва отличимом от каретного сарая наших предков.

Перспективы, открывающиеся перед нами при перемещении по воздуху, ограничены, ибо независимо от того, насколько высоко наши крылатые машины могут на мгновение воспарить, они не могут приблизиться к земле, не утратив большей части своего очарования и необычности. Давайте вместо этого обратимся к гораздо более важному фактору, который рассматривался нами в начале этого эссе. Эмансипация современной женщины рассматривалась там только в одном из трех аспектов, два других из которых еще предстоит рассмотреть. Мы видели, как, будучи потребительницей богатства, она сыграла важную роль в том, что лишила строительное искусство источника его главного вдохновения и лишила его самого ценного из своих ресурсов. Как источник богатства, ее влияние, возможно, было менее значительным, но им ни в коем случае нельзя пренебрегать, поскольку современный жилой дом демонстрирует его плоды почти в каждой детали планировки и оснащения. Произшедшие в нем изменения настолько глубоки, что дом средних размеров, построенный, скажем, три поколения назад и оставленный в своем первоначальном состоянии, представляет почти непреодолимые трудности для современной домохозяйки. Его похожая на пещеру череда кухонь и кладовых, монументальные варочные панели, бесчисленные лестницы и бесконечные полутемные переходы - все это должно прийти в запустение, если только не будет привлечен полк мускулистых девушек и женщин для поддержания порядка среди них. Все мы знаем, что в неторопливую эпоху наших прабабушек дом был спланирован гораздо более свободно, более расплывчато, и ничто не напоминало о той скрупулезной точности, которая проявляется в нем сегодня. В те дни не было необходимости измерять расстояние, которое домохозяйка должна была пройти, чтобы поставить обед на стол, потому что от нее никогда не требовалось совершать эту прогулку. Не было необходимости размещать вместительный и хорошо вентилируемый бельевой шкаф рядом с основными спальнями, поскольку постельное белье для спальни можно было хранить где угодно и доставлять из любого места, не создавая заметных трудностей для домохозяйки. Но какой бы широкой ни была пропасть, отделяющая современный дом от дома начала девятнадцатого века, новизна первого не была бы столь очевидной, если бы не гораздо более широкая пропасть, которой он отделен от дома, построенного поколением позже. Во второй половине века романтическое возрождение разбросало по стране множество домов, непрактичность которых была настолько гигантской, что они могли только совершенно ошеломить зрителя. Поскольку Кносский лабиринт в то время еще не был обнаружен, обычно предполагается, что эти сооружения произошли от соборов и подземелий средневековья. Именно по сравнению с этими нелепыми изобретениями послевоенный дом предстает в еще более привлекательном и индивидуальном свете. Вместо того чтобы потерять цель и определенность, как типичное городское здание, оно значительно

улучшилось в обоих этих качествах, и выиграло потому, что из места действия домохозяйки стало ее инструментом и союзником, а иногда (следует признать) даже ее сообщником.

Следующий шаг, действительно, уже сделан. Даже сейчас можно наблюдать, как современное жилое помещение постепенно приобретает свойства машины. В начале прошлого века девять десятых стоимости дома уходило на строительство, а оставшаяся десятая часть оплачивалась за его сантехнику и оборудование. В настоящее время мы тратим почти столько же на канализацию и водопровод, на ванны и шкафы-купе, на унитазы в спальнях, снабженные горячей водой, на центральное отопление, электрическое освещение, телефоны и тому подобное, сколько тратим на строительство дома. Это событие было настолько примечательным, что один американский писатель предсказал период, когда дома будут раздаваться бесплатно вместе с водопроводом. Сомнительно, что такая щедрость когда-нибудь станет коммерческой возможностью, но пророчество содержит более чем крупную правду. Мы можем с полным основанием ожидать, что завтра в маленькой палате исчезнет вся мебель, кроме самой необходимой, а ее стены, потолки и двери приобретут пустоту и округлость, которые до сих пор считались необходимыми только в операционных наших больниц. Чтобы по-прежнему сократить труд домохозяйки, квартиры будут объединены в тех огромных блоках, которые встречают такое яростное противодействие со стороны частных домовладельцев в Соединенных Штатах, противодействие, которому власти по зонированию почти неизменно оказывают всяческую поддержку. В чем причина такого противостояния? Она заключается в том, что новый жилой дом (по словам недавнего решения американского суда) “увеличит пожароопасность” района, в который он вторгается, и будет “источником шума от автомобилей, такси, молочных фургонов, телег и т.д. В местности, где сейчас царят мир и тишина; он будет препятствовать свету и воздуху и рано или поздно принесет с собой безнравственность, которая всегда сопутствует строительству подобных сооружений”. Список его потенциальных злодеяний можно продолжать, но я процитировал достаточно подробно, чтобы показать, каких условий следует ожидать, когда дом будет вытеснен большими, шумными и эффективными машинами, избежать которых могут только самые богатые и самые бедные.

Неизбежно ли, что они будут настолько вытеснены? Вытеснение неуклонно продолжается, и масштабы и быстрота процесса должны зависеть от рвения, с которым современная женщина берется за то, чтобы пожинать плоды свободы, которые сейчас так послушно оказываются в пределах ее досягаемости. Однако следует иметь в виду, что механизация дома преследует цель, диаметрально противоположную той, которую преследовали пионеры современных методов в промышленности. Триумф механического ткацкого станка над ручным был обусловлен его способностью производить на столько ярдов больше материала, чем мог бы дать ручной ткацкий станок. Но в то время как машина была внедрена в индустриальный мир для того, чтобы умножать продукты труда, целью современного дома является уменьшение потребности в рабочей силе. Заменив ручной ткацкий станок на механический, ткачиха могла бы, затрачивая все то же количество усилий, добиться большего результата, но когда современная домохозяйка переезжает в квартиру, экономящую труд, ее цель состоит в том, чтобы, затратив значительно меньше усилий, добиться того же результата, что и раньше. Как и где она проводит часы досуга, приобретенные таким образом, - это вопрос, который не имеет отношения к нашим нынешним рассуждениям, за исключением того, что этот досуг позволил ей поднять магазин тканей на то высокое место, которое он занимает сегодня, и тем самым

направить тенденцию современной архитектуры в том направлении, которому мы только что следовали.

Таким образом, во многом благодаря своему новому положению продюсера современная женщина стала способна оказывать такое заметное влияние на свои потребительские качества. Но с обеих этих точек зрения мы можем увидеть, что она непосредственно воздействует на главное архитектурное течение, в то время как, если мы рассмотрим ее с супружеской точки зрения, ее влияние проявится только в течении притока, который удобно описать как украшение. Прискорбно, что декоративное искусство в Англии, пока оно внезапно не попало под это влияние, не проявляло ни малейших признаков жизнеспособности с тех пор, как Соун и Нэш воплотили аттический энтузиазм Шелли, Ландора и Винкельмана в камне и лепнине. Каким бы образованным человеком он ни был, не может быть сомнений в том, что Джон Соун был так же искренне тронут шедеврами греческого декора, как Шелли - громкими и аутентичными голосами Платона и Эсхила. Однако современный художник-оформитель, который перерыл сокровищницу истории от Роберта Адама до пещер доисторического человека, никогда не руководствуется лучшими инстинктами, чем у торговца-авантюриста, а достаточно часто и худшими. В творческом порыве он совершенно невиновен. И что мы можем сказать об учении Рескина, который следовал по пятам за этими великими людьми, за исключением того, что оно было рассчитано на то, чтобы привить знания не столько в области декора, сколько в ботанике, в то время как его характер был совершенно враждебен тому удовольствию, которое еще можно было получить кое-где в декоративном мастерстве? Заглушенное утомительным вытягиванием "естественных форм" Рескина, это удовольствие, кажется, пробуждается снова, и именно в современной женщине мы должны искать причину этого пробуждения.

Удобный способ представить изменение мировоззрения, приведшее к этому возрождению, - сравнить два знакомых произведения художественной литературы девятнадцатого века, разделенных одним или двумя поколениями. "Мадемуазель де Мопен" Готье содержит длинные пассажи, благоухающие тем поклонением природе, которое сделало Вордсворта бестселлером и которое вдохновило нашего Рескина отказаться от принципов декоративного дизайна в пользу принципов, основанных на изучении роста растений. В этой книге нам представлены бесчисленные пейзажи, многие из которых купаются в лунном свете самого безупречного романтического качества. Загородные особняки, увеселительные павильоны, увитые лианами коттеджи - все это скрыто под густой массой зелени, на их существование вкратце намекают, в то время как извилистые тропинки, по которым к ним можно подойти, становятся предметом самого близкого описания, вместе с деревьями, кустарниками, лианами, травами и мхами, образующими их окружение. Та сила внимания, которая остается у читателя, умело направлена на тему женской одежды, к трактовке которой автор привносит сочувствие и одушевление, почти равные тем, с которыми он подходит к растительному царству. Но о квартирах, по которым передвигаются его персонажи, о стенах и мебели, на фоне которых их формы, столь изысканно одетые, предстают перед читателем, думают так же мало, как и о внешнем виде зданий, так что мы не можем сказать, на что они похожи. Как только мужчины и женщины переступают порог дома, на их окрестности опускается непроницаемый туман. Увы, некому было проявить хоть какой-то интерес даже к самым восхитительным домам или комнатам, и нам оставалось реконструировать их самим, опираясь только на наши знания о нескольких подлинных останках.

В "Нане" Золя мы имеем полную противоположность этой усталости, этому хлорозу декоративной способности. Украшение ее непосредственного окружения превратилось у этого знаменитого персонажа во всепоглощающую страсть. Ее интуитивные художественные познания, ее разносторонняя изобретательность никогда не перестают удивлять архитекторов и декораторов, которые работают по ее заказу. Кроме того, за свою короткую, но триумфальную карьеру в мире порока она ни разу не устает придумывать новые схемы оформления, схемы, к которым сам Золя, по-видимому, относится с энтузиазмом, приближающимся к энтузиазму его героини. Когда она, наконец, останавливается на грани финансового краха, эта страсть к украшениям разгорается с почти истерической силой. Именно тогда она мечтает о "un prodige, un éblouissement" ... un lit comme il n'en existait pas, un trône, un autel ... или и другие серебряные подарки, пара из великолепной бижутерии". До конца ее забота остается неизменной, ибо только благодаря ей она могла обрести свое таинственное господство над умами и чувствами мужчин. "Jamais elle никогда не чувствовала глубины сексуальной силы сына", - замечает Золя, показывая ее нам, радостно созерцающим удивительно элегантные сцены, которые она создала вокруг себя. Такова перемена отношения, которую общество девятнадцатого века должно было каким-то образом засвидетельствовать, прежде чем ее удалось так блестяще зафиксировать письменно. Это аналогичное изменение вдохнуло новую жизнь в современное оформление.

Может возникнуть вопрос, связывать ли это движение с несчастной героиней Золя, чтобы не умалить его достоинства или важности. Это должно оставаться исключительно предметом индивидуального суждения. Здесь я лишь замечу, что, заимствуя свой свет у созвездия несчастных духов, в котором так ярко блистала Нана, декоративно-прикладное искусство всего лишь подражает примеру, поданному по всей Европе и Америке искусством женской одежды, и что все, что говорится об одном из этих искусств, применимо и к другому. Но это поверхностное сходство - не единственное, что объединяет украшения с одеждой, поскольку современное движение в области декора нельзя описать лучше, чем расширение старого и более насущного бизнеса по украшению личной жизни. Оба течения берут начало из общего источника, и если младшее из них всегда будет оставаться в некотором отношении отдельно от своего портновского компаньона, выросшего с веками в почтенный исторический ручей, у нас все же есть основания быть благодарными за то, что засушливая трата декора снова поливается, пусть и нерегулярно.

Что же превратило современного декоратора в своего рода трансцендентного костюмера? Здесь у меня есть место намекнуть только на пару причин. Во-первых, следует помнить, что в то время как общепризнанный идеал мужской одежды состоит в том, чтобы сделать ее обладателей незаметными, заставляя их всех выглядеть одинаково, идеал женской одежды заключается в придании внешности необычности. Итак, ничто не могло бы более удачно соответствовать нашей механической цивилизации, чем мужской идеал; с другой стороны, ничто не могло бы вступить с ним в более жестокий и разочаровывающий конфликт, чем женский. Современная промышленность не допускает дискриминации; она предоставляет обоим полам одинаковые возможности для приобретения, она обрушивает на обоих одинаковое монотонное изобилие промышленных товаров. Не успевают появиться шляпа, мантия, халат, как миллионы других таких же моделей непрерывным потоком хлынули во все уголки мира. Поразительный цвет не может быть изменен человеком, стремящимся добиться отличительной внешности, без того, чтобы он не размножился быстрее, чем распускающаяся зелень в "Машине времени" мистера Уэллса. Провинциальные гости лондонского Вест-Энда

поражаются количеству хорошо одетых женщин, которых они видят на улицах, и заявляют, что не могут отличить герцогиню от продавщицы, в то время как лондонцы, которые впервые ступают на тротуары Парижа или Нью-Йорка, оказываются в таком же замешательстве. Благодаря неустанной деятельности большого магазина тканей (поддерживаемого замечательным предприятием производителей искусственного шелка) сегодня ни одной женщине, какой бы бедной она ни была, не приходится отказывать себе ни в одном из тех элегантных аксессуаров, которые были венцом роскоши ее предков. Но, как бы ни радовала толпу эта возможность, можно ли представить, что более удачливые или честолюбивые люди могут смотреть на нее с таким же удовлетворением? Безусловно, нет, поскольку они даже ссылались на закон об авторском праве в своей попытке противостоять ему.

Делая выводы из этого зрелища нежелательного равенства, полезно также иметь в виду соотношение между женским и мужским населением Западной Европы. За последние полвека избыток женщин в этой стране, грубо говоря, удвоился пропорционально общему числу жителей обоих полов. Эффект фиксированного и неизменного неравенства может быть нейтрализован серией корректировок социальной структуры, но когда неравенство угрожает увеличиться в четыре раза в течение столетия, давление, которое оно порождает, не так-то легко ослабить. Одним из самых удручающих зрелищ, с которыми можно столкнуться в Париже сегодня, является большое количество цветных и в основном негроидных мужчин, которые постепенно ассимилируются белым населением. Некоторые даже предсказывают, что Франция вскоре станет двухцветной республикой. Если это неприятное пророчество сбудется, нынешний избыток белых женщин, несомненно, во многом объяснит перемены. Повлиял ли этот избыток на развитие нового направления в декоративном искусстве или нет, конечно, с уверенностью сказать невозможно, но наше предположение получает сильнейшее подтверждение в том факте, что в Соединенных Штатах Америки, единственных среди современных стран в этом отношении, современное декоративное движение, похоже, вообще не вызывает отклика. Ибо только в этой стране мужское население превышает женское по избытку, который увеличивается почти точно такими же темпами, как увеличивается наш собственный избыток женского населения.

Новое направление было описано как расширение искусства одежды, близость которого те, кто посетил Парижскую выставку декоративного искусства 1925 года, будут готовы признать. Одним из наиболее искусных представителей этого движения является месть Морис Дюфрен, и никто не мог бы пожелать более полного выражения его основных характеристик, чем его "Палата богоматери", представленная на выставке 1925 года вместе с другими квартирами того же художника. Куда бы человек ни повернулся в этой комнате, его взгляд упирается в длинные извилистые изгибы, которые поднимаются и опускаются, как взмахи изысканного одеяния. Богатство и размах его линий ни о чем так не напоминают, как о знаменитом разжижении, которому подвергалось шелковое платье Джулии Херрика, особенно когда поэт наблюдал за ее походкой. Туалетный столик колышется вокруг своей отсутствующей хозяйки с мягкостью движений, заставляющей думать о мехе или плаще, в то время как вдалеке, обрамленная струящимся серебром, кровать лениво покачивается, как ковер-самолет, колеблемый ветерком. Подушки и абажуры имеют вид слишком откровенно выставленных напоказ интимных предметов одежды. Из продолговатого углубления в потолке, окаймленного вьющейся пеной, золотистый свет с продуманной умеренностью падает на шкуру гигантского белого медведя, придатка собаки, увеличенного и оформленного, его морда запутана в петлях тяжелой

серебряной веревки. Все говорили, что номер имел выдающийся успех, и это, несомненно, было так, поскольку он способствовал развитию блестящей, хотя и воображаемой личности.

Однако главное проявление нового движения заключается не столько в его формах, сколько в покровах, в которые эти формы облачены. Они неизменно отличаются высочайшей сочностью. Мягкие, гладкие, равномерно или резко светящиеся, они перекликаются друг с другом, как модулированные текстуры изделий портнихи. Даже металлические поверхности созданы для того, чтобы играть свою матовую или блестящую роль в сочетании, ибо ничто, как писал Бодлер в одном из своих стихотворений, так красноречиво не подчеркивает теплоту тканых материалов, как “восхитительная монотонность металла, мрамора и всего остального”. Поэтому вполне уместно, что среди самых успешных из всех этих дизайнеров должен быть мастер по металлу Эдгар Брандт, слава которого прочно обосновалась даже на другом берегу Атлантики. Придать глубокий женский шарм дизайну металлической решетки или декоративной люстры может показаться трудным, но именно в этом преуспел М. Эдгар Брандт; и мы не могли бы и желать более яркого свидетельства силы и единственности импульса, из которого проистекает это современное направление в декорировании, чем мы можем найти в его триумфальном привлечении таких невероятных вспомогательных средств, как эти. Надлежащее место и функция его работы, которые я не буду пытаться подробно описывать, столь же безошибочны, как и сама работа. Только на днях кандидат на академическую премию в области архитектуры внедрил ее имитацию в проект здания банка. Конечно, ему пришлось выслушать упрек от имени комитета по присуждению премии, к счастью, в лице этого остроумного и образованного критика, мистера Х. С. Гудхарта-Рендела. Дизайнеру сказали, что выбранная им особая манера оформления должна быть ограничена “окружением красивых и дорогих женщин”. Его природа не могла быть определена более кратко.

Итак, таковы, по моему глубокому убеждению, наиболее важные силы, действующие в архитектуре сегодня. Без сомнения, эти силы приведут архитектуру завтрашнего дня к форме, во многом подобной той, которую я здесь попытался описать. Могут ли проявиться какие-либо новые течения, добавляющие свое влияние к тем течениям, с которыми мы уже знакомы? Мало кто из живущих сегодня людей настолько смел, что захотел бы пророчествовать без какого-либо видимого предзнаменования, подтверждающего их слова. Наши представления о прогрессе и будущем сами по себе несколько сузились; они стали более скромными, чем были. Для европейца девятнадцатого века, чья вера была столь чудесным образом укреплена открытием естественного отбора, эти вещи стали первой и величайшей реальностью человеческого существования. Прогресс был для него приятным и непрерывным расширением его мирского “я”, прямым и позитивным повышением комфорта, власти и общей значимости. Что касается будущего, то элемент изменчивости, возможной дифференциации, который содержался в нем, казался примерно таким же большим, как рост кристалла в постоянно пополняемом растворе. Даже сегодня на свете есть люди, которые (подобно самому красноречивому из почитателей любимой викторианской святыни мистеру Герберту Г. Г. Уэллсу) все еще надеются на продолжающееся расширение социального организма, непрерывное, если не сказать неизменное, приход процветания и власти. Но становится совершенно очевидно, что число православных верующих быстро сокращается; уже в некоторых местах объект их поклонения открыто хулят. Нам говорят, что рост индустриального общества обязательно должен быть ограниченным по масштабам - более того, что он должен быть даже ограниченной

продолжительности. С удручающей силой утверждается, что открытие рынков подобно всему остальному в этом мире и может продолжаться только до тех пор, пока существуют рынки для открытия. С каждым днем будущее нашей урбанизированной цивилизации становится все более мрачным. С каждым днем становится все более неопределенным, как долго Balbus будет продолжать строить даже для удовлетворения потребностей, существующих здесь и сейчас. Современное аморфное здание, “зонирование” объема и очертаний, трудоемкая резиденция, подчинение нового декора женскому платью: все это проистекает из сил, которые существуют сегодня и которые должны сохраняться еще некоторое время, при условии, что цивилизация сможет поддерживать себя в своем нынешнем виде. Большого предсказать невозможно, за исключением одной вещи, неадекватной ссылкой на которую я должен завершить это эссе.

Было замечено, что за ростом населения наших городов даже сейчас следует архитектурная экспансия, которая является несколько замедленным сопутствующим фактором такого роста. Этот рост, однако, замедляется и, возможно, постепенно идет на убыль. Мы продолжаем строить, но количество арендаторов возводимых нами зданий вскоре перестанет увеличиваться. Мы заново открыли для себя первые принципы забытого искусства градостроительства, но только в то время, когда наши города становятся почти адекватными потребностям своего населения. Таким образом, одна из самых важных глав в истории человечества подходит к концу, и, безусловно, в такой момент позволительно немного порассуждать о том, что последует за ней. Каково следовать великому веку градостроительства, ироническая судьба которого заключалась в том, чтобы распознать законы, которые должны были регулировать его деятельность, когда было слишком поздно подчиняться этим законам, за исключением второстепенных вопросов, и тогда они могли подчиняться только под страхом смертной казни? Должны ли мы встретиться, после того как не смогли воспользоваться призрачными возможностями городского планирования, с новыми, реальными и неисчерпаемыми возможностями планирования страны? В этом эссе я не пытался подробно описать рост наших городов, который является явлением настоящего и прошлого, но ограничился некоторыми вещами, которые должны произойти в границах этих городов до того, как пройдет еще много лет. И хотя пока еще слишком рано говорить о каких-либо особенностях повторного заселения сельской местности, ясно, что никакое обсуждение будущего не может претендовать на то, чтобы быть хотя бы приблизительно справедливым, если оно не свидетельствует об этом новом этапе в истории строительства. Ненавязчиво следуя за длительной чередой работ по градостроительству, недавно появился первый трактат по планированию страны. Хотя это всего лишь брошюра скромных размеров, совершенно очевидно, что внешний рост, который она предвещает, будет не менее важен, чем центростремительный, который даже сейчас приостанавливается, поскольку массовый отток из городов сегодня едва начался, а архитектура сельской местности все еще требует выхода за пределы экспериментальной стадии и обретения некоторой степени постоянства. Но когда сельская Англия разрослась так далеко, мы можем быть уверены, что ее постоянство и стабильность превзойдут все, чем когда-либо обладал город, и таким образом сбудется то, что было предсказано римскому философу Эдезию, который, как мы помним, проснулся однажды утром и увидел, что тыльная сторона его левой ладони исписана. “После почтительного приветствия своей руке и письмам, - гласит история, - он обнаружил, что на его руке было написано следующее предсказание: ‘На переплетении двух Судеб прядутся нити паутины твоей жизни. Если твой выбор - города и поселки людей, твоя слава будет бессмертна, поддерживая данный богом порыв юности. Но если ты будешь пастырем овец и быков, тогда надейся, что сам

станешь спутником благословенных бессмертных”. Так говорит божественное предзнаменование и о будущем архитектуры, и кому, кроме архитектора, сведущего в планировании страны, архитектора завтрашнего дня, можно было бы сказать (как это было сказано об Эдизии и его учениках), что “когда они расправят свои крылья шире, чем у Икара, хотя они и были еще более хрупкими, он мягко поведет их вниз, но не в море, а на сушу, к человеческой жизни”. “?

Примечания переписчика:

Сохранено архаичное и изменчивое написание.

Сохранены варианты расстановки переносов и сложных слов.

Каталог издательства для серии *"Сегодня"* и *"Завтра"*, упомянутый во вступительном материале выше, не содержался в исходном материале.